

Neben der allgemein schlechten Wirtschaftslage sei auch seit etlichen Jahren eine «Aldisierung» der Gesellschaft zu beobachten - es sei vor allem Billiges gefragt. Und beim reinen Preisvergleich hat eben der Schreiner gegenüber dem Möbeldiscounter schlechte Karten. (Nürnberger Zeitung, 25.01.2005).

Таким образом, собственные имена активно участвуют в словообразовательных процессах современного немецкого языка. Динамика вовлечения онимических основ в экзоцентрическое словообразование и интенсивность процессов деонимизации определяются социально-культурной и социально-политической значимостью базового онима. Деонимические глагольные неологизмы отмечаются, прежде всего, в сфере обозначений процессов с использованием продукции брендовых торговых марок.

Деонимы как результат процессов вторичной ономастической номинации составляют также заметный слой экспрессивного коллоквиального лексического фонда в молодежном социолекте современного немецкого языка. В коллоквиальном словообразовании молодежного немецкого языка наиболее активны собственные имена с четкими ассоциативными связями фонового характера в сфере IT-технологий и актуального социально-политического онимического репертуара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапожникова Л.М. Dr.Easyman und Emilia Galoppi sitzen auf der Wartbutg: языковая игра в коллоквиальных деонимических единицах // Слово в динамике : сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С.123–139.
2. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Hauptteil 4: Substantivkomposita. – Berlin; NewYork, 1991. – 863 S.
3. DUDEN. Neues Wörterbuch der Szenensprache <http://szenesprachenwiki.de/words/tag/Internet?>
4. OWID. Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim. Neologismenwörterbuch <http://www.owid.de/index.html>
5. Samland, Bernd M. Der Google-Effekt: Die Bildung markenspezifischer Verben. – Berlin: Logos Verlag, 2010. – 182 S.
6. Seibicke, W. Die Personennamen im Deutschen: Eine Einführung. – 2. überarb. Auflage. – Berlin; New York, 2008. – 235 S.

УДК 81`23

А.О. Ханский

О МОТИВИРОВАННОСТИ И НЕМОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКА

Обсуждаются некоторые аспекты взаимосвязи языка, мышления и общественно-исторической практики.

Ключевые слова: история языкознания, философия языка, реализм, номинализм.

(I)

Все люди живут в одном мире, но в разных его частях (фрагментах). Иногда в настолько разных, что можно, хотя и с оговорками, говорить, что они живут в разных мирах. Соответственно, в различных сообществах людей складывается различная общественно-историческая практика, которая и формирует мышление этих сообществ (практическая деятельность людей определяет направления познавательной деятельности человеческого мышления и выбор объектов познания). В ходе общественно-исторической практики мышление, находящееся в процессе непрерывного становления, постоянно опредмечивается в различных продуктах этой практики. Распредмечивая такие продукты, можно изучать мышление сообщества, его логику.

Одним из продуктов общественно-исторической практики сообщества является его язык. В нем, как и в других продуктах, отлились мыслительные формы, которые, в свою очередь, отражают общественно-историческую практику. Таким образом, на начальном этапе формирования языка он строится по мотивированной модели.

Звукоподражание, как и редупликативная форма множественного числа, представляют собой самые поверхностные и потому самые малочисленные виды мотивировки. В основе своей мышление гораздо глубже и содержательнее пассивного зеркального отражения действительности, поэтому другие виды мотивировки, которые собственно и представляют исследовательский интерес, гораздо сложнее для выявления и изучения. Это еще предстоит сделать философии языка, философии вообще, лингвистике и смежным дисциплинам.

Язык есть опредмеченное мышление, которое отражает мир в ходе общественно-исторической практики.

Но как только мышление опредметится в какой-либо материальной форме (в том числе и в форме языка), этот предмет сразу же включается в общественно-историческую практику сообщества, и мышление сообщества начинает формироваться уже и логикой этого предмета (наряду с логикой всего остального фрагмента мира, включенного в практику).

Поэтому неогумбольдтианцы правы, утверждая, что:

- язык определяет мышление человека;
- люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создают различные картины мира;
- от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления.

Другое дело, что указанные моменты нельзя преувеличивать и тем более абсолютизировать (как это делают неогумбольдтианцы), но и уменьшать и тем более отрицать их (как это делают их наиболее принципиальные противники) также нельзя.

Место языка в общественно-исторической практике таково, что какой бы фрагмент мира ни включала в себя эта практика, она *всегда* включает в себя также и язык, а не только тогда, когда язык является непосредственным объектом практики (обучение языку, лингвистические исследования, перевод, изящная словесность). Поэтому объем общественно-исторической языковой практики (т.е. практики, обращенной на язык) не может быть существенно меньше, чем *вся остальная* общественно-историческая практика сообщества. Чисто умозрительно можно предположить, что воздействие языка (его структуры, логики, номенклатуры единиц и мн. др.) на мышление сопоставимо с воздействием на мышление всего остального мироздания во всех своих фрагментах и в целокупности.

Язык, будучи внеположен мышлению, оказывает на него свое воздействие в ходе общественно-исторической практики. Мышление оказывает свое воздействие на язык, опредмечиваясь в нем.

Если мышление всегда актуально, то язык хранит опредмеченные формы прошедшего мышления; поэтому в оппозиции языка и мышления, кроме прочих, присутствуют оппозиции *старое – новое, традиция – современность, культура – свобода*. При этом новое не обязательно должно быть абсолютно новым, оно может быть новым и относительно. В течение жизни у *каждого* человека *все* когда-либо бывает *впервые*. И для осмысления этого нового нужен свой глагол, который, возможно, и присутствует в общественном сознании, но вполне может отсутствовать в сознании индивидуальном. Поэтому необходимость выразить нечто новое в языке присутствует в обществе *постоянно*, и постоянно в языке происходит творчество народного духа.

Рационалистические позитивистские концепции не способны разрешить эту проблему синтеза старого и нового (выражения нового в языке). Именно поэтому их так много: одну, быстро обнаружившую свою несостоятельность, теорию тут же пытаются заменить другой, столь же несостоятельной. Эти концепции не могут пойти дальше описания *повторяющегося* наименования *известного* объекта *известным* глаголом. Номиналистическая лингвистика не в состоянии выйти за столь узкие рамки потому, что при рассмотрении языка как немотивированного («конвенционального») постоянно возникает необходимость в заключении все новых и новых конвенций, которые подчас просто не с кем заключать. Именно поэтому рассмотрение языкового творчества мастеров изящной словесности такая лингвистика с готовностью передает литературоведению, в то время как образцовые примеры такого творчества представляют интерес прежде всего для языковедов.

Разрешение указанных оппозиций (т.е. выражение нового в языке) лежит не на пути отрицания одной из сторон, а на пути их органичного синтеза, когда язык и мышление постоянно совершенствуются, адекватно отражая изменение общественно-исторической практики, но сохраняя при

этом свою самость и не отказываясь от своего исторического наследия (динамический консерватизм).

Языковое творчество не укладывается в прокрустово ложе формальной логики, поэтому оно под силу только «иррациональным» концепциям. Для органичного выражения нового в языке нужна «эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (Б. Кроче), нужно рассмотреть «язык как творчество» (К. Фосслер, А.Л. Погодин), язык как деятельность духа (В. фон Гумбольдт), как душу народа (А.С. Шишков). Такой подход к языку становится особенно актуальным в эпоху перемен, и в начале XXI в. он еще более востребован, чем в начале XIX в. (романтизм) или в начале XX в. (эстетический идеализм), когда он только начинал формироваться.

В своих крайностях эстетическое направление утверждает, что язык создается Поэтом, что язык рождается, когда рождается Поэт на этом языке. Но и полностью отрицать это положение невозможно: современный русский язык начинается с А.С. Пушкина (в XIX в. его начало вели от М.В. Ломоносова); английский язык начинается с В. Шекспира; итальянский – с Данте. Поэтому для языкознания не менее научных трактатов важны мысли Поэтов о языке. Они представляют интерес и сами по себе, и как пояснения к языковой практике их авторов. Поэты, которые очень кстати появляются в исторически переломные эпохи жизни своего народа, своим творчеством связывают прошлое и будущее народа, давая ему Язык, с которым он будет жить дальше, *продолжая свою историю*.

Одним из необходимых условий искомого синтеза старого и нового является знание старого, т.е. хотя бы пассивное владение носителями родным языком во всех его исторических формах. Применительно к русскому языку это означает способность читать все тексты родной культуры, начиная с Остромирова Евангелия.

(II)

Язык обслуживает сообщество на протяжении длительного времени, в течение которого обогащаются и общественно-историческая практика, и мышление этого сообщества. Соответственно, меняется и язык, при этом изменения могут быть двоякого рода:

- язык обогащается новыми лексическими и грамматическими составляющими;
- язык переосмысливает существующие лексические и грамматические составляющие.

В последнем случае мотивированность языкового знака полностью или частично стирается. Таким образом, в процессе развития языка происходит постоянный процесс утраты мотивировки.

Утрата языком мотивировки происходит тем быстрее, чем более революционный характер носят изменения общественно-исторической практики сообщества. Стремительно изменяющееся мышление вынуждено отливаться в «первые попавшиеся» языковые формы, не принимая во внима-

ние в должной мере их первоначальной мотивировки. В случае массового заимствования (в том числе и вынужденного, навязанного) элементов общественно-исторической практики у других сообществ мышление может использовать лексические и синтаксические конструкции других языков. В этом случае «интеллигибельная» мотивировка с точки зрения носителей языка отсутствует полностью.

Если изменения общественной жизни будут достаточно радикальными и продолжительными, то язык сообщества может с ними и не справиться, что приведет либо к его полному разложению, либо к уходу из отдельных сфер общественной жизни, подвергшихся наибольшим изменениям, либо к существенному «омертвлению», когда большая часть языка становится немотивированной и, как следствие, неэластичной к новым изменениям общественно-исторической практики и соответствующим изменениям мышления, так что уже следующая волна изменений в общественной жизни может «смыть» его с исторической арены.

Однако период революционных изменений в жизни общества не может продолжаться неограниченно долго. И если язык сохранил себя, то в период затишья, в период эволюционных изменений в жизни общества, он начинает самоочищаться, используя для этого несколько различных механизмов, к числу которых относятся следующие.

- Замена заимствованных или своих немотивированных знаков (относительно) мотивированными. Интересный пример такой замены дает футбольная терминология. В парах *голкипер* – *вратарь*, *форвард* – *нападающий* и нек. др. англицизмы заменяются исконно русскими словами; в паре *тайм* – *период* вместо одного заимствованного слова используется другое, также заимствованное, но уже давно вошедшее в русский язык и потому более привычное. Само слово *футбол* сохранилось, хотя аналогичное ему слово *гандбол* было заменено на *ручной мяч*.
- Ассимиляция заимствованных слов (PR: *пиар*, *пиарить*, *попиариться*, *пиарщик*).
- Переосмысление в народной этимологии (слово *будировать* используется как синоним слова *будоражить*, хотя как заимствование из французского означает ‘*проявлять недовольство, дуться*’).
- Видоизменение в устной речи формы заимствованных слов на более привычную для русского уха (e-mail: *мыло*, *Емеля*, *Эля*).

Кроме того, еще одна часть языкового новодела уходит из языка в ходе дальнейшего изменения общественно-исторической практики (термины парусного кораблестроения, вошедшие в языковой обиход из голландского во времена Петра I, ушли вместе с парусным флотом).

Переработка в периоды затишья результатов изменений революционных эпох повышает эластичность языка, его жизнеспособность в перспективе грядущих революционных бурь, накапливает инструментарий форм

мышления в формах родного языка. Такая работа позволяет языку преобразоваться из объекта в субъекта внешней экспансии, когда следующая активная фаза изменения общественно-исторической практики будет исходить из сообщества – носителя этого языка, неся другим сообществам новую практику и соответствующие ей новые формы мышления, отлитые в богатые формы сильного языка. Язык, сам не принявший иноязычных заимствований, не может обогатить другие языки.

Для носителей древнего и одновременно сильного языка он никогда не будет полностью мотивирован. Однако это не следует рассматривать исключительно как недостаток языка. Наличие немотивированных элементов способствует формированию абстрактного мышления в языке, в то время как мотивированные элементы позволяют не отрываться от наличной конкретики.

Сегодня, в условиях глобализации и интенсификации информационных потоков, особенно актуальной становится задача изучения языковой картины мира, совмещенной с изучением истории языка с целями:

- выявления уязвимых мест языка, несущих угрозу самому его существованию;
- определения свойств языка, которыми он не обладает или обладает в недостаточной мере для того, чтобы сообщество могло осмыслить грядущие перемены на своем родном языке;
- совершенствования механизмов регенерации языковой ткани после ее повреждения;
- разработки программ языковой политики, языкового строительства и языкового просвещения.

(III)

Сегодня объективные условия таковы, что бесписьменные языки обречены на вымирание. Объемы постоянно поступающей информации не позволяют ее запомнить целиком с первого раза ни в одиночку, ни распределенно среди всех членов сообщества. Информация нуждается в материальной фиксации для последующей ее обработки. Точка невозврата в деле создания письменностей для бесписьменных языков, скорее всего, уже пройдена: письменные языки слишком озабочены своим собственным выживанием, чтобы думать еще и о своих бесписьменных собратьях. Тем величественнее научный подвиг советских ученых, разработавших письменности для целого ряда языков народов СССР.

В бесписьменных языках накоплен уникальный опыт многих и многих сообществ, который пока что, к сожалению, еще не может быть осмыслен и оценен. И если фронтальное и глубокое изучение бесписьменных языков сегодня по ряду причин невозможно, то существующие технологии звуко- и видеозаписи позволяют зафиксировать звучащую речь для будущих поколений исследователей.

Не менее драматичной представляется и судьба письменного языка, претендующего на роль глобального средства общения. В такой своей роли он будет выступать как неродной и немотивированный для подавляющего большинства людей. Неся в себе неизбежно ограниченный опыт общественно-исторической практики и будучи неэластичным для большинства своих пользователей, этот язык будет изменяться преимущественно его носителями.

Подлинное творчество на чужом языке невозможно, а значит, изменения в нем будут проходить вразрез со структурой и логикой языка и будут далеки от эстетически прекрасного, каждый раз делая язык все менее внятным для его носителей. В результате «варвары» могут разрушить язык «цивилизаторов», оставив их либо немыми, либо с архаичным языком, не отвечающим реалиям современной эпохи.

Многообразие – залог выживания в самые критические периоды истории. Именно родной язык предоставляет наибольшую культурную защиту своим носителям, поэтому не навязывание какого-то одного языка всему человечеству, а культивирование всеми сообществами в первую очередь своих родных языков позволит человечеству в целом преодолеть грядущий вал кардинальных преобразований и выйти из этих испытаний не разрушенными и ослабленными, а обогащенными и полными сил.

УДК 81`233

О.В. Четверикова

ТВОРЧЕСКАЯ РЕЧЕВАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ

Человек в статье трактуется как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система. На основе классификации уровней развития человека по типам психики «генотип – фенотип – личность» выявляются факторы формирования творческой речевой индивидуальности.

Ключевые слова: генотип, фенотип, личность, художественное сознание, художественное мышление, творческая речевая индивидуальность.

В аспекте общей направленности современных лингвистических изысканий, в центре которых стоит проблема «человек в языке», исследование особенностей авторской категоризации действительности и специфики ее вербальной манифестации в произведениях речетворчества позволяет выявить и описать способы взаимодействия индивида с объективной структурой национального языка, установить степень творческого ее осмысления и использования в соответствии с теми задачами, которые языковая личность перед собой ставит. Таким образом, автор речи является «точкой отсчета»